

УДК 67.3

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Кошман В. А.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Данная статья исследует некоторые аспекты возникновения государственности на Ближнем Востоке. В первой части статьи автор предлагает рассмотреть терминологические основы классификации государств. На основании краткого обзора существующих подходов к этой проблеме, сделан вывод о малой применимости существующих на данный момент теоретических выкладок к классификации именно древних форм территориальных образований. Особо оговорена проблема отсутствия письменных источников по поводу возникновения многих признаков государства, являющаяся практически неразрешимым вопросом для исследователей данного направления. В основной части статьи автор даёт краткую характеристику некоторых крупных поселений периода энеолита Ближнего Востока. На основании представленного материала проиллюстрировано существенное усложнение обществ на территории указанных поселений. Отдельно отмечено, что момент роста и усложнения данных поселений имел место значительно ранее общепризнанного периода появления первых государств и датируется концом V-IV тысячелетием до н.э. В завершении статьи автор приходит к выводу достаточно раннем появлении отдельных институтов государства, фактически имевшем место значительно раньше, чем считается в данный момент. В качестве вывода авторский подход к исследованию отдельных государственных институтов древних обществ и их развития во времени постулируется как подходящие решение теоретических проблем в вопросах развития государственности.

Ключевые слова: государственность, Ближний Восток, урбанистические центры, усложнение общества, раскопки.

Ближний Восток, а именно Месопотамия, считается местом появления первых государств наравне с Древним Египтом, а начиная с 90-х годов и древнее. Это привело к тому, что научная мысль стала относить появление государств к середине IV тыс. д н.э. Однако, такие воззрения являются неточными, так как раскопки на территории Турции и Сирии позволили полностью изменить представления о возникновении сложных обществ и существенно удревнить указанные даты. Но перед нами встает вопрос: можем ли мы говорить о появлении государства еще раньше, и насколько вообще возможно говорить о столь раннем периоде.

Прежде чем приступить к рассмотрению исторических обстоятельств и новейших данных нам необходимо рассмотреть вопрос о терминах. Центральным для нашей дискуссии является вопрос о термине «государство». Для иллюстрации проблематики обратимся к учебнику Л.А. Морозовой, где она понимает государство как: «как властно-политическую организацию общества, обладающую государственным суверенитетом, специальным аппаратом управления и принуждения, государственной казной и устанавливающую правовой порядок на определенной территории» [3, с. 49]. Но, более важным является то, какие признаки государства выделяются в современной теории государства, так М. А. Марченко указывает следующие: 1) аппарат государственной власти, 2) аппарат принуждения, 3) разделение населения по территориальным единицам, 4) территория, 5) суверенитет, 6) займы и налоги, 7) наличие населения [2, с. 102–107]. Несомненно, указанные определение и

признаки весьма точно описывают явление государства, но с современной точки зрения. Так, первые письменные правовые памятники появляются только в XXIVст. до н.э. (Договор между Эблой и Абарсалем), хотя письменные договора появились на несколько сотен лет раньше, существенно позже развитых институтов управления. Суверенитет, как признак государства впервые был нормативно закреплен в Вестфальском мирном договоре 1648 года [1], т.е. существенно позже. Если рассматривать внутренний суверенитет, как возможность государства осуществлять наивысшую власть на своей территории, тогда едва ли можно говорить о нем везде в контексте древней истории, так как, контроль, в том числе и за территорией, был весьма условным и многочисленные полукочевые народы весьма долго свободно передвигались по территории той же Месопотамии. Несомненно, попытки контролировать были, как в примере с Эблой, которая на своей западной границе возвела стену [20].

Тем не менее теория государства описывает именно современное состояние института государства. На необходимость же различения исторических типов государства обратили внимание ученые еще в XIXвеке, ярким примером чего является типология Маркса. С учетом того, что теория государства формировалась именно в ключе западноевропейской мысли, то и описывает она «национальное государство» (nationstate), термин, который в отечественной науке стал предметом множественных споров в виду отсутствия точного смыслового перевода. Само же «национальное государство» описывает очень определенное историческое явление, а именно западноевропейское государство, каким оно проявилось во временной динамике XVI–XXст.

Еще одним критическим минусом самого применения термина «государство» в историческом ключе является то, что оно воспринимается как этап развития общества и имеет определенную точку отсчета своего существования. Такой подход приводит к логическим нестыковкам и поискам точки появления государства, чем и занят современный научный дискурс в спорах о том, где раньше появилось государство. За этим следует другой вопрос, а чем же тогда отличается государство от того, что было до него? На него в течении длительного времени пытается ответить политическая антропология, которая на данный момент является ведущей отраслью знания, изучающей эту проблему. Это выразилось в ряде концепций вроде «вождество», «ранее государство» неэволюционной школы, но как мы ранее указывали в другой нашей статье, оно подвергается множественной справедливой критике со стороны ряда ученых и не имеет универсальной описательной способности.

Но стоит справедливо заметить, что одной критикой без новых подходов обойтись нельзя, поэтому автор предлагает свое решение данной проблемы. Следуя правилу Бритвы Оккама: «Pluralitas non est ponenda sine necessitate», мы не предлагаем радикальных перемен, ведь есть уже широко известный термин и подходы, которые более успешно решают указанный вопрос. Во-первых, это термин «государственность» в значении становления институтов государства и его формирования. То есть, если рассматривать государство не как готовое явление со всеми признаками, а развитие его отдельных институтов, часто в совокупности, то мы успешно избегаем проблемы «точки возникновения». Во-вторых, еще в 30-е годы XX века историческая школа Анналов предложила рассматривать явления в *longue duree*, то есть в длительной хронологической перспективе. Таким образом, если рассматривать раз-

витие отдельных институтов современного государства в длительной исторической перспективе в динамике, то это будет более точным вопросом. Так же это позволит говорить о различных типах государственности, не умаляя локальных вариантов развития и его местные особенности. С другой стороны, стоит учитывать, что нам в любом случае нужен фреймворк для кросскультурных сравнений.

Так, некоторые ученые считают [14, 19], что появление государства следует относить к середине IV тыс. до н.э. и связывают это с Южной Месопотамией и Урукком. В данный момент этого мнения придерживаются не только многие отечественные ученые, но и зарубежные. Так, Гильермо Альгазе, автор книги «Древняя Месопотамия на заре цивилизации» считает, что Урук контролировал отдельные анклавные территории на большом расстоянии вплоть до территории Сирии, в том числе Тель Брак [5]. Но, если даже не говорить о вышеуказанной теоретической проблеме, то имеется другое огромное количество минусов с данным мнением. Мы остановимся лишь на наиболее важных из них. Например, одним из обоснований такого мнения является размер Урука в 250 гектар, однако, кроме первоначальных раскопок 20-х годов XX века, других проведено не было, а сама площадь вычислена исходя из распространения характерной керамики на поверхности [8]. Так же, учитывая то, что с 1991 года на территории Ирака раскопок не велось, то говорить о проведении современных методов исследований, таких как магнитометрия и ультразвуковое сканирование, не приходится. Раскопан был лишь Округ Эанны, вероятный культовый или административный центр поселения, не затрагивая жилые либо ремесленные кварталы. Самой же главной проблемой является то, что никто не проводил исследование других поселений Урукской культуры в Южной Месопотамии. Известны лишь раскопки Суз, где весьма активно представлена указанная культура и поселения в Сирии, такие как Хабуба Кабира, которая оценивается от административного центра «Урукского государства» и торгового аванпоста до колонии людей, бежавших из Южной Месопотамии [15], а также слои соответствующей культуры в урбанистических центрах Северной Месопотамии. С учетом такого небольшого количества данных подобные выводы о характере устройства общества выглядят не более чем спекуляцией. Мало того, исследования М. Шварца и Д. Холландера, на источниках о поставках битума в урукскую часть поселения Хачинеби, и ряда других ученых, позволяют говорить о существовании нескольких крупных центров в Южной Месопотамии [17].

Соответственно, на данный момент невозможно уверенно говорить о существовании зрелой государственности на территории Южной Месопотамии в IV тыс. до н.э. Но это не отменяет того, что мы имеем свидетельства существенного усложнения общества в Северной Месопотамии в свете новых открытий на территории Сирии в Тель Браке, Хамукаре и Арслантепе в Турции.

Одной из проблем рассмотрения данной темы является то, что все те или иные явления, впоследствии ставшие частью государственности, возникли до появления письменности, причем в любом из первичных центров государственности. Это ставит исследователей в неведение в отношении огромной области общественных отношений, которые едва различимы в материальных остатках, если вообще присутствуют, тем более что последние редко выступают яркими срезами вроде Помпей, а накапливаются сотнями лет, в течении которых, те или иные социальные практики могут трансформироваться и изменить свое значение. Поэтому мы сделаем упор на

тех материальных признаках, которые позволяют судить об усложнении общества и формировании отдельных институтов государственности вроде власти, территории и так далее.

Рассматриваемые поселения Северной Месопотамии периода конца V–IV тыс. до н.э. можно разделить на два вида: крупные урбанистические центры и небольшие административно-культовые центры. К первым относятся Тель Брак и Хамукар, ко вторым – Тепе Гавра и Арслантепе. Они отличаются размерами и своим характером.

Крупные урбанистические центры представляют в процессе своего формирования и показывают, как появлялись секторы проживания элит, ремесленные кварталы и др. Соответственно, центры вроде Брака и Хамукара имеют и следы имущественной дифференциации, деление на управляемых и управляющих, с наследственными статусами, что видно из богатых детских захоронений, следы централизованного ремесленного производства, также, как и административные практики. Останавливаться на всех признаках нам не позволит объем статьи, поэтому мы сконцентрируем свое внимание на наиболее важных явлениях.

Наиболее ярким свидетельством является размер Тель Брака в 130 гектар сплошной застройки [12]. Особо интересным является то, что такое количество населения было явно больше, чем могла прокормить близлежащая территория, что говорит о необходимости решения проблемы с продовольствием. Это связано с тем, что климат тогда, как и сейчас был весьма засушливым (количество осадков было немногим более 200 мм в год) с периодическими засухами [7]. Стоит отметить, что Брак успешно пережил несколько таких периодов вплоть до начала IV тыс. до н.э., когда наступил особо засушливый длительный период. На окраинах поселения находились ремесленные цеха по окраске тканей и кладбища.

Одним из таких является Тель Мажнуна, при раскопках которого было найдено массовое одномоментное захоронение разного рода людей, в том числе со следами насильственной смерти. Исходя из наиболее вероятной интерпретации, данное захоронение является последствием массового внутреннего столкновения, что подтверждается отсутствием каких-либо фортификаций у поселения [11]. Это позволяет говорить о том, что управляющей элите приходилось решать вопросы внутренней безопасности и крупных социальных конфликтов. Какова была причина данного конфликта так и останется для нас загадкой, но необходимость поддержания порядка и стабильности в условиях ярко выраженной имущественной и социальной дифференциации, которая требовала применения всего комплекса мер, на данном фоне выглядит весьма вероятной. На наш взгляд, крупные публичные сооружения как раз и выполняли эту роль. При этом не важно какого они были характера: культового или административного, если такое деление вообще уместно к тому периоду. На это указывают находки печатей и их оттисков, а также характер их окружения во время находок, так как печати появились задолго до следов имущественной дифференциации. Не меньшую роль играла и культовая сторона. Культовые предметы, такие же, как и из Храма Глаза, были найдены на достаточно большой территории.

Культовая сторона была весьма важна для экономической стороны, как и предметы престижа, так как являлась одним из инструментов неравноценного обмена. Если мерилom престижных предметов вроде ляпис лазури выступала их редкость и труднодоступность (ближайшее известное месторождение находится в Бадашхане,

Афганистан) [18, с. 136], то ритуалы, являясь услугой не могли иметь очевидной цены в виде трудозатрат, а потому могли иметь какую угодно ценность, ограниченную лишь социокультурным условиями.

Следует отметить то, что ни один из признаков усложнения общества не должен рассматриваться сам по себе, более того, сама совокупность подобных признаков не должна сводиться к простому перечню признаков как у Чайлда, а рассматриваться во взаимосвязи между собой и при наличии других материальных свидетельств. Даже в этом случае интерпретации должны быть крайне аккуратны и в отношении тех аспектов, которые мы не можем увидеть. В обратном случае это приводит к достраиванию картины реконструируемого общества путем повторения всего теоретического концепта, например, вождества при наличии некоторых признаков, подпадающих под представления исследователя.

Ярким примером такого является появление фортификаций. Если таковым считать появление стен вокруг поселения и других сооружений, то мы можем говорить об их появлении еще в IX тыс. до н.э. в Иерихоне, что весьма спорно и нерезонно. Если же принимать во внимание признаки войны, то эта дата существенно сдвигается и приходится на первую половину IV тыс. до н.э. В качестве примера здесь можно привести Хамукар, в котором в районе 3800 г. до н.э. появилась стена шириной 3 метра вокруг поселения. Хамукар к тому моменту имеет те же признаки, что и Брак, но существенно меньше по своим размерам (около 15 гектар) [21, с. 67]. Свидетельствами в пользу фортификационного значения выступает факт сожжения поселения на фоне находок остатков тел с следами насильственной смерти. Данное событие имело место около 3500 г. до н.э. [21, с.70]. Эти свидетельства позволяют говорить о том, что существовали проблемы, которые требовали значительной мобилизации сил большого количества населения в течении длительного времени, что на фоне существенной имущественной дифференциации наследственного характера позволяет говорить о том, что эти вопросы решались элитами. Тем самым они выполняли функцию не только распределения благ, контроля отправления культов, но и привлечения труда в больших объемах. Такое событие не было единичным, случаи разрушений известны и в других местах, к примеру, в Тепе Гавре [13]. С другой стороны, фортификации не получили массового распространения в тот период и находились лишь в некоторых поселениях, а у крупнейшего в регионе Тель Брака отсутствовали, видимо, такие события не были регулярными.

Совершенно другой характер носили Тепе Гавра и Арслантепе. Они занимали площадь всего в 1,5 и 4,5 гектара [9], однако имели монументальные сооружения, стены, места проживания элит, существенную имущественную дифференциацию, фортификации, престижные предметы, а в случае с Арслантепе и склад оружия. Тепе Гавра относится к концу V– первой половине IV тыс. до н.э., а Арслантепе – к середине – концу IVтыс. до н.э. При этом поселения неоднократно разрушались с следами насильственной смерти его жителей. Наиболее интересным аспектом их существования является то, что они почти целиком были местом проживания элит, в то время как проживание обычных людей либо весьма небольшое, что явно не соответствует тем объемам работ, которые там производились, как и объемам продуктов, которые там хранились. В связи с этим в процессе формирования государственности встают полукочевые народы, следы нахождения которых зафиксированы в обоих местах, а в случае с Арслантепе это другая материальная культура (куроаракская). Если Гавра носила явно более культовый характер (не без большого количества печатей), то турецкий памятник в слое VII, а особенно VI A был ярко вы-

раженным административным центром. Об этом свидетельствует наличие построек, предпологаемо дворцового характера (впрочем, в комплексе с храмами). Особый интерес представляют находки концентрации сломанных глиняных печатей среди хранилищ продуктов питания в больших сосудах и склада оружия из мышьяковой бронзы, являющихся одними из наиболее древних бронзовых изделий, в том числе мечей, что является свидетельством высокоразвитого и узкоспециализированного ремесла, явно выходящего за размеры домохозяйства [22].

Таким образом, в IV тыс. до н.э. уже существовали отнюдь не единичные центры проживания элит с ярко выраженными признаками администрирования, которые были в том числе и центрами ремесла, но при этом существенная часть управляемых не была оседлой.

По мнению автора, весьма успешной является гипотеза, высказанная рядом специалистов по археологии Ближнего Востока того периода [16], о том, что полукочевники играли роль связующего звена между урбанизированными центрами Северной и Южной Месопотамии, выступая не только как носители материальной культуры, но и обеспечивавшие меновую торговлю и некоторые виды продукции, особо шерсть. Это косвенно подтверждается тем, что первые вьючные животные, которых можно было использовать в условиях степи – ослы, были одомашнены в этот же период, а также появились явно выраженные признаки пород овец, разводимых для шерсти, хотя использование шерсти зафиксировано существенно ранее. Стоит отметить, что крупный рогатый скот был одомашнен существенно раньше, но следов его использования в качестве вьючного в том регионе не зафиксировано, хотя в Алтын-депе, Южный Туркменистан, его использование для доставки меди является высоковероятным [4, с. 190]. С учетом высокой мобильности таких обществ едва ли можно говорить об исключительно принудительном характере взаимоотношений между центром и управляемыми.

Перед тем как подводить итоги, несомненно, стоит указать, что примеры процесса усложнения общества имеются и более ранние: Сузы и Чога Миш, достигшие около 15 га в конце V тыс. до н.э. [10], и имеющие близкие культурные параллели в материальной культуре, а особо символике печатей с Тепе Гаврой, Юмуктепе/Мерсин, со следами высокой ремесленной специализации, стен (вероятнее всего террас) вокруг поселения, который с VII тыс. до н.э., вероятно, был региональным ремесленно-меновым центром, а также имеющие много общего с культурой позднего энеолита Северной Месопотамии, к которой относится Тель Брак и Хамукар [6]. Однако, в Сузах с 1979 года не велось каких-либо значимых раскопок, а Юмуктепе раскапывается весьма медленно и в небольших объемах.

Таким образом, мы показали на конкретных примерах, что целый ряд институтов государственности появился существенно раньше, чем это принято считать, однако это не позволяет говорить о более раннем появлении государства в связи с целым рядом теоретических проблем, связанных с самим понятием государства. При этом появление урбанистических центров с весьма усложнённым обществом следует относить к первой четверти IV тыс. до н.э. Также предложенный нами подход позволяет без введения лишних терминов и изобретения новых классификационных подходов решить проблему теоретического фреймворка при изучении вопросов развития государственности и обращении к материалам дописьменных периодов истории.

Список литературы

1. Галушко Д. В. О суверенитете государства в международном праве // Вестник ВГУ. Серия Право. 2013. № 1. – С. 366–373.
2. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: В 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. Том. 2. М.: Проспект, 2016. – 604 с

3. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. – 384 с.
4. Кирчо Л. Б. Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии: процессы культурной и технико-технологической трансформации: дис.... д-ра историч. наук: 07.00.06. СПб., 2009. – 356 с.
5. Algaze G. Ancient Mesopotamia at the dawn of civilization : the evolution of an urban landscape. Chicago: The University, 2008.
6. Caneva I., Jean E. Mersin-Yumuktepe une mise au point sur les derniers travaux Anatolia Antiqua XXIII. 2016. – P. 13–34.
7. Climatic changes and social transformations in the Near East and North Africa during the ‘long’ 4th millennium BC: A comparative study of environmental and archaeological evidence / J. Clarke, N. Brooks, E. B. Banning et al. // Quaternary Science Reviews. 2016. Vol. 136. – P. 96–121.
8. Finkbeiner U. Uruk Kampagne 35–37, 1982–1984. Die archäologische Oberfl ächenuntersuchung (Survey). Ausgrabungen in Uruk-Warka Endberichte, 4. Mainz: Philipp von Zabern. – 1991.
9. Frangipane M. “Non-urban hierarchical patterns of territorial and political organisation // Northern regions of Greater Mesopotamia: Tepe Gawra and Arslantepe”, P. Butterlin (ed.), A propos de Tepe Gawra, le monde proto-urbain de Mésopotamie, Subartu XXIII. Brussels: Editions Brepols, 2009. – P. 135–148.
10. Hole F. A Monumental failure: the collapse of Susa // beyond the ubaid: transformation and integration in the late prehistoric societies of the Middle East. Chicago: The University, 2010.
11. McMahon A.M. Tell Brak, Early Northern Mesopotamian urbanism, economic complexity and social stress, fifth-fourth millennia BC / D. Bonatz and L. Martin (eds.) // 100 Jahre Archäologische Feldforschungen in Nordost-Syrien Eine Bilanz. Weisbaden: Harrassowitz, 2013. – S. 67–80.
12. McMahon, A., Oates, J. Excavations at Tell Brak 2006–2007. Iraq 69. 2007. – P. 145–171.
13. Rothman M, Mitchell S. Tepe Gawra : the evolution of a small, prehistoric center in northern Iraq // University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, Philadelphia. 2002.
14. Nissen H. J. The early history of the ancient Near East, 9000 -2000 BC. – Chicago: University of Chicago, 1988.
15. Nissen H. J. Urbanization and the techniques of communication: The Mesopotamian city of uruk during the fourth millennium BCE. // Cambridge world history. Volume 3, Early cities in comparative perspective, 4000 BCE–1200 CE. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 113–130.
16. Porter A. Mobile pastoralism and the formation of Near Eastern civilizations: weaving together society. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
17. Schwartz, M., Hollander, D., The Uruk expansion as dynamic process: A reconstruction of Middle to Late Uruk exchange patterns from bulk stable isotope analyses... // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016.
18. Stein Gil. The development of indigenous social complexity in Late Chalcolithic Upper Mesopotamia in the fifth-fourth millennia BC: An initial assessment. Origini. 34. 2012. – P. 125–151.
19. Stein Gil J. Understanding ancient state societies in the Old World. In Archaeology at the Millennium: A Sourcebook, edited by G. Feinman and T. D. Price. New York: Kluwer Academic Press, 2001. – P. 353–379.
20. «Très Long Mur » dans la steppe syrienne / Geyer B., Awad N., Al-Dbiyat M. en oaren // In: Paléorient. 2010. Vol. 36, № 2. – P. 57–72.
21. Clemens D. Reichel Hamoukar annual report 2005–2006. <https://oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/05-06_Hamoukar.pdf> (последнее обращение – 17 января 2018 г.).
22. Frangipane M. Different Trajectories in State Formation in Greater Mesopotamia: A view from Arslantepe (Turkey) // Journal of Archaeological Research, Springer, Published online 28 June 2017. DOI :10.1007/s10814-017-9106-2. <<http://link.springer.com/article/10.1007/s10814-017-9106-2>> (последнее обращение– 15 января 2018 г.).

Koshman V. About some questions of the emergence of statehood in the Middle East // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2019. – Т. 5 (71). № 2. – P. 28–35.

The article is devoted to certain aspects of the statehoods emergence in the Mideast. In the first part of an article, the author proposes to review the terminological basis of the states classification. Based on the brief overview of the existing approaches to the problem, a certain conclusion about them is made. According to author, the existing theoretical approaches don't fully suite the classification of the ancient territorial entities. The problem of the written sources, considering the emergence of the numerous state's features, absence seems almost insoluble for the researchers of the problem given. In the main part of an article, an author presents a brief description of some big chalcolithic settlements of the Mideast. Based on the material explored, the significant complication in the local societies of the settlements mentioned is illustrated. It is marked separately that the moment of rapid growth and complication of the societies took place far more earlier than considered before, and dated back to the V-IV century B.C. In the ending of an article, an author concludes that specific state institutes emerged quiet early, much earlier, than considered to the moment. As the final conclusion, the author's approach to the research process of the particular statehood institutes of the ancient societies

and their development in time is stated the suitable solution of the theoretical problems of statehood elaboration.

Keywords: statehood, Mideast, urban centers, societies complication, excavations.

Spisok literatury

1. Galushko D. V. O suverenitete gosudarstva v mezhdunarodnom prave // Vestnik VGU. Seriya Pravo. 2013. № 1. – S. 366–373.
2. Marchenko M. N. Problemy obshchej teorii gosudarstva i prava: uchebnik: V 2 t. – 2-e izd., pererab. i dop. Tom. 2. M.: Prospekt, 2016. – 604 s.
3. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Rossijskoe yuridicheskoe obrazovanie, 2010. – 384 s.
4. Kircho L. B. Formirovanie drevnejshogo protogorodskogo centra bronzovogo veka Srednej Azii: processy kul'turnoj i tekhniko-tekhnologicheskoy transformacii: dis... d-ra istorich. nauk: 07.00.06. SPb., 2009. – 356 s.
5. Algaze G. Ancient Mesopotamia at the dawn of civilization: the evolution of an urban landscape. Chicago: The University, 2008.
6. Caneva I., Jean E. Mersin-Yumuktepe une mise au point sur les derniers travaux Anatolia Antiqua XXIII. 2016. – P. 13–34.
7. Climatic changes and social transformations in the Near East and North Africa during the 'long' 4th millennium BC: A comparative study of environmental and archaeological evidence / J. Clarke, N. Brooks, E. B. Banning et al. // Quaternary Science Reviews. 2016. Vol. 136. – P. 96–121.
8. Finkbeiner U. Uruk Kampagne 35–37, 1982–1984. Die archäologische Oberfl ächenuntersuchung (Survey). Ausgrabungen in Uruk-Warka Endberichte, 4. Mainz: Philipp von Zabern. – 1991.
9. Frangipane M. "Non-urban hierarchical patterns of territorial and political organisation // Northern regions of Greater Mesopotamia: Tepe Gawra and Arslantepe", P. Butterlin (ed.), A propos de Tepe Gawra, le monde proto-urbain de Mésopotamie, Subartu XXIII. Brussels: Editions Brepols, 2009. – P. 135–148.
10. Hole F. A Monumental failure: the collapse of Susa // beyond the ubaid: transformation and integration in the late prehistoric societies of the Middle East. Chicago: The University, 2010.
11. McMahon A.M. Tell Brak, Early Northern Mesopotamian urbanism, economic complexity and social stress, fifth-fourth millennia BC / D. Bonatz and L. Martin (eds.) // 100 Jahre Archäologische Feldforschungen in Nordost-Syrien Eine Bilanz. Weisbaden: Harrassowitz, 2013. – S. 67–80.
12. McMahon, A., Oates, J. Excavations at Tell Brak 2006–2007. Iraq 69. 2007. – P. 145–171.
13. Rothman M, Mitchell S. Tepe Gawra: the evolution of a small, prehistoric center in northern Iraq // University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, Philadelphia. 2002.
14. Nissen H. J. The early history of the ancient Near East, 9000-2000 BC. – Chicago: University of Chicago, 1988.
15. Nissen H. J. Urbanization and the techniques of communication: The Mesopotamian city of uruk during the fourth millennium BCE. // Cambridge world history. Volume 3, Early cities in comparative perspective, 4000 BCE–1200 CE. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 113–130.
16. Porter A. Mobile pastoralism and the formation of Near Eastern civilizations: weaving together society. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
17. Schwartz, M., Hollander, D., The Uruk expansion as dynamic process: A reconstruction of Middle to Late Uruk exchange patterns from bulk stable isotope analyses... // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016.
18. Stein Gil. The development of indigenous social complexity in Late Chalcolithic Upper Mesopotamia in the fifth-fourth millennia BC: An initial assessment. Origini. 34. 2012. – P. 125–151.
19. Stein Gil J. Understanding ancient state societies in the Old World. In Archaeology at the Millennium: A Sourcebook, edited by G. Feinman and T. D. Price. New York: Kluwer Academic Press, 2001. – P. 353–379.
20. «Très Long Mur » dans la steppe syrienne / Geyer B., Awad N., Al-Dbiyat M. en oaren // In: Paléorient. 2010. Vol. 36, № 2. – P. 57–72.
21. Clemens D. Reichel Hamoukar annual report 2005–2006. <https://oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/05-06_Hamoukar.pdf> (poslednee obrashchenie – 17 yanvarya 2018 g.).
22. Frangipane M. Different Trajectories in State Formation in Greater Mesopotamia: A view from Arslantepe (Turkey) // Journal of Archaeological Research, Springer, Published online 28 June 2017. DOI :10.1007/s10814-017-9106-2. <<http://link.springer.com/article/10.1007/s10814-017-9106-2>> (poslednee obrashchenie– 15 yanvarya 2018 g.).